

О ТРАНСФОРМАЦИЯХ МАСС В ПОЗДНИХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Невозможно оспорить, что массы играли и до сих пор играют важную и неоднозначную роль в эволюции индустриальных обществ. Особенно часто о роли масс вспоминают в связи с феноменами тоталитаризма. В данной статье речь пойдет о других периодах истории, когда масса проявляет себя с несколько иных сторон. В противовес исследователям (Ортеге-и-Гассету, Х.Арендт), которые причисляют к массе тех, кто утратил классовую и групповую идентичность, мы считаем, что утрата идентичности характеризует массу лишь в некоторые периоды (войны, экономические кризисы), в целом же масса – это большинство, занимающее в обществе подчиненное положение, находящееся в состоянии управляемого объекта.

Масса в ее современном виде начала формироваться на Западе примерно три века назад, когда разоряющиеся крестьяне, лишившись земли и средств к существованию, потянулись в города в поисках работы и средств к пропитанию. Эти люди, оторванные от исторических корней и традиционной идентичности, составили безликую массу, свободную (в смысле свободы умирать от голода) и целиком погруженную в повседневную борьбу за биологическое выживание. Оседая в рабочих поселках, на фабриках, они постепенно обрели новую идентичность, безликая масса становилась определенным классом, имеющим особые социально-исторические цели. Такая масса явилась социальной базой многочисленных социалистических исканий, ее существование наложило свой отпечаток на все стороны жизни развитых обществ XIX–XX вв., привело, например, к формированию массовых партий и изменению в связи с этим структур и функционирования институтов политической демократии.

Массы людей, которые в феодальных обществах были локализованы в деревнях, вдруг передвинулись в города, оказались вблизи от центров национальной жизни со всеми своими проблемами. Это породило у культурной части общества особое состояние «массобоязни», которое продолжается до сих пор и имеет под собой определенные основания. В «Восстании масс» Ортега-и-Гассет негативно писал о массах, упирая на их бескультурье, неблагодарность (им подарили право голоса, допустили к участию в демократии, а они не испытывают по этому поводу никакой благодарности), склонность к разным формам социального и политического насилия и т. п. Человек массы действует как «все», он лишен инициативы и чувства ответственности, существование массы грозит обществу «неподдельным декадансом». Этот негативизм в отношении массы – результат того, что в стороне остается вопрос о положении составлявших ее людей – их эксплуатировали на фабриках, организовывали и дисциплинировали в армии, гнали на войны. Конечно, влияние массы сказывалось негативно на состоянии национальной культуры: из-за распространения примитивизма моральных и эстетических норм, тяготения к простым решениям, склонности к насилию в политической жизни. Но массовые движения дали импульс и позитивным новым явлениям. Так, борьба пролетарских масс привела, тем не менее, к возникновению в развитых странах во второй половине XX в. столь гуманного института, как социальное государство.

История общественной жизни в европейских и многих неевропейских странах происходила со второй половины XIX в. и до второй половины XX в. под знаком политической силы массы производящей (пролетариев и крестьян). С ней социалисты связывали надежды на коренное переустройство существующих обществ, что часто ими отождествлялось с всесторонней общечеловеческой эмансипацией. Конечно, во многом эти надежды были иллюзорными и надуманными, но, тем не менее, на довольно продолжительное время их оказалось возможным соединить с реальным рабочим движением, где иллюзии и непосредственная борьба тесно переплетались. Самая влиятельная апология пролетарского труда принадлежала, как известно, К.Марксу. Он понимал возможность расхождения между непосредственными интересами пролетариата и социалистической целью. Говоря в «Святом семействе» о перспективах рабочего движения, он писал «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле*, и что он сообразно этому своему *бытию* исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказывается его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»¹. Многочисленные последователи Маркса были еще тверже уверены в социалистическом предназначении пролетариата, хотя постоянно появлялись симптомы, которые свидетельствовали о расхождении между его ближайшими интересами и социализмом как его предполагавшейся конечной целью. Это видел, например, К.Каутский, когда он писал, что «интересы социалистического развития стоят выше интересов пролетариата, и социал-демократия не может защищать интересы пролетариата, препятствующие социальному развитию»². Большевики в России в неизмеримо большей степени выразили готовность подавлять интересы рабочих и крестьян, если они оказывались в противодействии с целями социалистического строительства, как они их себе представляли.

Но вернемся к апологии пролетарского труда, данной Марксом, начиная с его первых работ. В тот период пролетариат был в центре внимания коммунистов, которых Маркс назвал «уравнительными» (Кабе, Дезами, Вейтлинг). Они делали главный акцент на равном распределении произведенного общими силами продукта, на распределительной справедливости. На этом основании Маркс упрекал их в том, что они поощряют страсть к обладанию вещами, что они, таким образом, заражены духом буржуазности. Сам Маркс хотел вывести рабочее движение за пределы, обозначенные принципом равенства, дать ему более высокие идеалы. Поэтому он заявил о необходимости союза пролетариата и философии, которая становится при этом духовным оружием пролетариата. На философском языке Маркса историческая ситуация пролетариата выглядела следующим образом: пролетариат – это деятельный субъект истории, творящий социальный мир, теряющий его и вновь возвращающий его себе в акте свободного самоутверждения. Историческая ситуация пролетариата была, таким образом, прочитана Марксом сквозь гегелевскую теорию отчуждения. Пролетариат предстал при этом как создатель, творец не только материального мира общества, но и (в опосредованной форме) всех его духовных достижений. В определенный период истории, совпадающий с капитализмом, творения пролетариата становятся чуждой и враждебной ему силой. Представление о том, как велик был, с точки зрения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 40.

² Каутский К. Аграрный вопрос (Аграрная программа). Харьков, 1899. С. 18.

Маркса, круг исторических творений пролетариев, дает одно из многочисленных его высказываний в ранних работах, где он говорит о том, от чего оказался отделен рабочий в результате отчуждения труда и с чем он должен вновь воссоединиться: «Та общность, от которой рабочего отрывает *его собственный труд*, есть сама жизнь, физическая и духовная жизнь, человеческая нравственность, человеческая деятельность, человеческое наслаждение, *человеческая сущность*. *Человеческая сущность* и есть *истинная общность людей*»³. На основании этих слов уже можно видеть, насколько грандиозным выглядел в его глазах процесс освобождения пролетариата, обратного присвоения им своей человеческой сущности. Таким образом, отнюдь не равенство в распределении было исходным коммунистическим принципом у Маркса, а многоцветная, многогранная свобода труда. Правда, в более поздних его работах появляются нотки уравнительности, когда он сделал отличительным признаком коммунизма принцип равного вознаграждения за равный труд. Последователи Маркса в Европе в еще большей степени усилили акцент на равенстве, оставив в стороне философские мечты Маркса о свободе труда. Если вспомнить об «уравнительных» коммунистах, о которых шла речь выше, то можно сказать, что в социалистическом движении XX в. уравнительность победила свободу.

Маркс идеализировал массу, представив ее как производящую, как людей, призванных созидать лучшее будущее человечества. Конечно, были в тот период или чуть позже другие взгляды на массу, например, у Ф.Ницше, который приписывал массе только низменные потребительские интересы и по этой причине видел в ней силу, сплотившуюся вокруг демократии. Любопытный вариант трактовки массы дал анархо-синдикалист Ж.Сорель, который как бы соединил марксистский идеализм с ницшеанским негативизмом. Часть массы – рабочих и крестьян – он характеризовал как производителей, другую часть – как потребителей, к которой он, собственно, и относил определение «масса». Производители – это творцы, их труд приближается по духу к деятельности ученого-экспериментатора, они носители свободы и независимости, их мораль полна величия и героизма, их предназначение осуществить тотальное обновление общества, переживающего упадок, декаданс. Потребители – это слои, которые не заняты производительным трудом. Они обитают, преимущественно, в городах, т. к. город – центр торговли, администрации, образования, центр развлечений, короче говоря, это место потребления, а не производства, он противостоит очагам производства – деревням, рабочим поселкам. Городские низы составляют социологическую базу демократии, одновременно удовлетворяя с ее помощью свои низменные интересы. «Демократия, – писал Сорель, есть комплекс чаяний городских народных масс, желающих участвовать в выгодах, являющихся привилегией богатого и властного меньшинства»⁴. Если бы он посмотрел на сегодняшнюю ситуацию в мире, то был бы разочарован тем, что сами производители охвачены потребительскими интересами, масса производящая превращается постепенно и все больше в массу потребляющую.

Переход от общества производства к обществу потребления был постепенным, его начало датируют обычно тридцатыми годами XX в., когда в капиталистических странах стала ощущаться необходимость государственного регулирования спроса на продукцию, произведенную национальными предприятиями. Такая политика была экономически обоснована Дж. Кейн-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 447.

⁴ Сорель Ж. Социальные очерки современной экономики. М., 1908. С. 76.

сом, а на практике она начала наиболее полно осуществляться Т.Рузвельтом. Общество потребления не представляло собой, таким образом, некоего нового социального целого по сравнению с обществом производства. Скорее оно род политики, развившейся на базе последнего и сопровождающейся рядом социальных, культурных черт, которые существенно изменили лицо капитализма. Что касается недавно существовавших социалистических стран, то их нельзя отнести к обществам потребления хотя бы потому, что спрос, например в СССР, существовал всегда, а товаров не хватало. Спрос и производство существовали как бы независимо друг от друга, спрос не регулировался в целях роста производства, он, скорее, подавлялся, недостаток товаров вызвал к жизни разного рода спецраспределители, так что вместо политики регулирования спроса внедрялась жесткая регламентация потребления, своего рода регулирование с обратным знаком.

Итак, возникновение общества потребления предполагает развертывание политики регулирования спроса. Оно связано не с избытком товаров, которое представляет своего рода ускользящий мираж, а с необходимостью подстегивать спрос, чтобы он шел в ногу с расширением производства. Понятно, что определенная достаточность товаров при этом необходима, о регулировании спроса речь не шла на низких уровнях развития производства. Но с ростом индустрии, техники, производительности труда достигался предел, при котором рынок уже не мог обеспечивать спрос в нужном размере. Рыночная анархия не соответствует запросам крупного высокотехнологичного и наукоемкого производства. Оно настоятельно требует экономического планирования и связанной с этим стабилизацией цен, зарплат, потребительского спроса.

Эти запросы хорошо описал Дж.Гэлбрейт в работе «Новое индустриальное общество». Если ранее привычно было связывать плановое управление экономикой с социализмом (а в начале XX в. даже либеральные экономисты типа Л. фон Мизеса отождествляли плановое хозяйство с социализмом), то Гэлбрейт увязывает плановость с возникновением крупных промышленных корпораций. Он, например, писал, что «врагом рынка является не идеология, а инженер», не социализм, а «передовая техника»⁵; «Развитая корпорация захватила контроль над рынком и не только над ценами, но также над тем, что покупается, не во имя монополии, а для планирования»⁶. Таким образом, общество потребления не является раем обетованным, оно родилось из необходимости подстраивать потребление к нуждам производства, коль скоро мы живем в обществе, которое вынуждено развиваться высокими темпами, не имея возможности остановиться, ибо это повлечет за собой экономический крах. Правда, у потребительского спроса есть могущественный конкурент, который в еще большей степени обеспечивает стабильность роста производства. Имеются в виду государственные расходы на вооружение и разного рода космические объекты. Расходы на оборону и космос – гораздо более сильный стабилизатор крупного индустриального производства, чем потребительский спрос. И тут мы снова убеждаемся, что общество потребления – суровая необходимость, оно даже представляет во многих отношениях угрозу для человека, для его свободы и даже просто для выживания.

Многие социологи и экономисты сходятся в том, что в современных обществах потребления происходят крупные социальные изменения. Во-первых, меняется состав правящей элиты, наряду с политиками и бюрократами в нее входят и технократы, руководители крупных промышленных корпораций. Это

⁵ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 71.

⁶ Там же. С. 243.

своего рода духовные наследники А. де Сен-Симона, которых хотел заменить «господство над людьми» «господством над вещами». Технократы реализуют его идеи, на практике это оборачивается управлением людьми через управление вещами, а в конечном счете, превращением человека в вещь.

Становление общества потребления связано также, во-вторых, с изменением социального состава массы населения в развитых странах. В это время сокращается потребность в рабочих, занятых физическим трудом, и растет потребность в высококвалифицированных специалистах. Соответственно меняется роль профсоюзов на производстве: специалисты не склонны поддерживать профсоюзы, они отождествляют свои интересы с задачами корпораций. Роль профсоюзов на предприятиях меняется: из силы конфликта они превращаются в посредника между руководством корпораций и служащими. Гэлбрейт пишет: «Факт таков, что индустриальная система ныне в значительной степени блокировала рабочее движение. Она лишила профсоюзы некоторых из наиболее важных функций; она намного сузила поле деятельности профсоюзов и в очень значительной мере подчинила их сохранившиеся функции своим нуждам»⁷. В-третьих, новшество в плане социальной структуры заключается еще в том, что в армию труда влилась масса работников бюджетных организаций (сфер здравоохранения, образования, социального обеспечения), в которых заняты, в основном, женщины. Социальная значимость этого события велика, поэтому А. Лефевр в свое время заявил, что новый социализм будет иметь женское лицо или его не будет вовсе. Но пока заметно, что в бюджетных организациях оппозиционные настроения слабы, протесты спорадичны, эмоциональны и неустойчивы.

Бесспорно, во всяком случае, что героическая фигура производителя эры машинного производства, наделенного особой исторической миссией, исчезает. Это отмечают многие социологи, которые либо утверждают, как это делал А. Горц⁸, что идея социализма как альтернативы капитализму не выражала устремлений реальных пролетариев, а была подsunута им марксистами, которые сконструировали философскую идею о труде (физическом труде пролетариев) как сущности человека и основе истории. Либо они, как А. Турен⁹, признают у рабочего существование альтернативного проекта общества, но оговариваются, что он был присущ рабочим в определенных производственно-экономических и социально-исторических условиях. Турен говорит применительно к 80-м гг. **XX в. о наступлении кризиса традиционного рабочего сознания**, связывая его с автоматизацией и информатизацией производства, когда не столько рабочий приводит в действие орудия труда, машины, сколько производственные автоматы используют труд рабочих как незначительный фактор своей деятельности. Сказанное объясняет процессы декалфикации рабочих, утрату ими сознания своей значимости на производстве и отказ их от борьбы за альтернативный проект общества.

Турен признает, что вообще традиционные трудящиеся классы индустриального общества исчезают, размываются. Взамен прежних социально и культурно дистантных слоев (рабочие, крестьяне, буржуазия) приходит различие уровней жизни. Классы, если еще можно о них говорить, теперь уже не представляют особого «социального существа», они изменчивы, текучи и объединяются в класс на том или ином этапе целями социального действия. Мотив классовой борьбы – направление осуществляющихся в обществе ин-

⁷ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. С. 334.

⁸ Gorz A. Adieux au proletariat. P., 1980; Capitalisme, socialisme, ecologie. P., 1991.

⁹ Touraine A. La société postindustrielle. P., 1969; L'après socialisme. P., 1980; Touraine A. et autres. Mouvement sociaux d'aujourd'hui. P., 1982.

вестиций: борются между собой те, кто определяет направление коллективных вложений, и те, кто их оспаривает и требует увеличения потребления. С точки зрения французского социолога, одновременно справедливо и ложно утверждать, что современный классовый конфликт лежит в сфере потребления. Справедливо, потому что производство перестало быть привилегированной сферой главного социального конфликта. Ложно, ибо речь идет не просто о свободе потреблять, а о свободе индивидов и групп контролировать свою жизнь на производстве и вне него.

Реалии общества потребления, совпадающие по времени своего развертывания и общей направленности перемен со становлением общества, называемого информационным или постиндустриальным и т. д., которое мы обозначили в данной статье как позднее индустриальное общество, сильно повлияли на природу индивидов, групп, массы в развитых обществах. В философском сознании, однако, сильны традиционные подходы к означенным феноменам: очень распространены идеи коммуникативной демократии, у сторонников которой на первом плане в характеристике человека оказывается разум; у многих западных левых сильна вера в оппозиционность массы, перекликающаяся с марксистскими представлениями о революционности пролетариата как субъекта истории. Одним из тех, кто осуществил разрыв с такого рода традиционализмом, был Г.Маркузе с его идеей об одномерном человеке и о массе, неспособной на оппозиционность. Ту же направленность мыслей можно видеть у Ж.Бодрийяра, который дал вместе с тем оригинальную и в определенной мере правдоподобную трактовку личности и массы в обществе потребления. Ниже мы попробуем истолковать в политико-философском смысле его идеи.

В обществе потребления значимость вещей для всей массы людей находится на небывалой высоте, сквозь призму вещей можно увидеть систему человеческих отношений. Об этом французский философ заявил уже в первой своей крупной работе «Система вещей». Маркс рассматривал потребительную стоимость в связи с процессами производства и обмена, его интересовало не предназначение вещи к употреблению, а ее место в системе экономических отношений. Бодрийяра вещь интересовала как элемент сети потребительских отношений. У Маркса на первом плане эксплуатация людей труда на производстве, Бодрийяр сосредоточен на том, как посредством вещей человек погружается в мир софистицированных отношений, где вещи, события, информация предстают в образе симулякров.

Роль вещей такова, что они служат даже для утешения, психологической поддержки человека перед лицом жизненных испытаний. Ссылаясь на Э.Дихтера, Бодрийяр пишет, что вещи – «это бытовая мифология, в которой гасится наш страх времени и смерти»¹⁰. Потребление примиряет человека с самим собой и с его группой, страхи и неврозы «снимаются ценой успокоительной регрессии в вещи, которая дает всестороннюю поддержку образам Отца и Матери...»¹¹.

Не только Бодрийяр, но и другие западные социологи много писали о том, что обладание вещами может разрешить любой социальный конфликт, отрегулировать опасную социальную ситуацию. Л.Мэмфорд видел в этом повод для критики современной цивилизации, где вместо социальных реформ осуществляется своеобразный «реформизм вещей». В связи с этим он писал: «В нашей цивилизации машина отнюдь не является знаком могуще-

¹⁰ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С. 108.

¹¹ Там же. С. 202.

ства социального строя, но знаменует нередко его бессилие и паралич»¹². Так, автомобиль мог бы стать отправным пунктом невиданного технического развития, но этого не произошло. Отвечая интересам производителей, потребителей и коммерции, осуществляется выпуск автомобилей, модельный ряд которых испытывает лишь незначительные усовершенствования, которые не составляют настоящего технического прогресса, но создают его иллюзию. Как писал Мэмфорд, «механическая организация зачастую представляет временную и дорогостоящую замену настоящей социальной организации или же здоровой биологической адаптации»¹³. Вместо решения социальных проблем имеем дорогую технику, которая предназначена оказывать отвлекающее действие на людей.

Как было отмечено выше, первый шаг к созданию общества потребления был сделан, когда государства начали проводить политику регулирования спроса в целях стабилизации производства. Потребитель становится манипулируемым существом, организуемым. Происходит «функционализация самого потребителя, психологическая монополизация всех его потребностей, то есть вполне единодушное потребление, достигшее гармонической согласованности с концентрацией и абсолютной заорганизованностью производства»¹⁴. Дело не в том, что потребление просто увеличилось, оно стало управляемой областью. Потребителя «дрессируют», натаскивают на потребление подобно тому, как в XVIII–XIX вв. людей приучали к труду на фабриках. Ошибочно думать, как это внушают апологеты общества потребления, что с его приходом произошла гуманная революция, «которая отделяет героическую и жестокую эру производства от эйфорической эпохи потребления, где, наконец, получили права Человек и его желание»¹⁵. И Бодрийяр продолжает: «Ничего этого нет. Производство и потребление составляют один и тот же большой логический процесс расширенного производства производительных сил и их контроля»¹⁶. На поверхности создается впечатление, что произошел расцвет потребления, индивидуальной свободы, наслаждений и изобилия, на деле к рационализации производства добавилась «рационализация потребления». В результате покупатель больше не определяет самостоятельно свой выбор, им манипулируют производители, добиваясь адаптации его поведения к нуждам производства. Ранее в цепочке «потребности – рынок – производство» инициатива исходила от потребителя, так было в условиях господства рыночной экономики, так происходит и сейчас там, где сохраняются рыночные отношения. По мере вытеснения рынка плановым производством в форме крупных промышленных корпораций направленность движения в цепочке меняется на обратную: «производство – рынок – потребление».

Такие тревожные вопросы ставил и американский социолог Дж. Гэлбрейт, который констатировал, что индустриальная система и на производстве, и в сфере потребления требует подавления индивидуальности и ведет к торжеству производственно-экономических организаций. Придерживаясь принципов гуманизма, Гэлбрейт выступал против подчинения жизни общества экономическим целям, с его точки зрения, наоборот, индустриальная система должна рассматриваться как механизм, производящий нужные людям товары и услуги, цели же общества должны мыслиться более широко.

¹² Цит. по: Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 139.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 199.

¹⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 112.

¹⁶ Там же.

Гэлбрейту было свойственно разделять потребности людей на «естественные» (свойственные человеку как органическому существу) и «искусственные» (вызванные к жизни выпускаемыми производством товарами). Он считал, что естественные потребности необходимо полностью удовлетворять, тогда как к искусственным потребностям надо относиться с осторожностью, выделяя наиболее разумные из них и могущие претендовать на удовлетворение и отбрасывая те, которые продиктованы стремлением к роскоши и расточительству. Так он думал побороть тотальную диктатуру производственной системы. Бодрийяру морализаторство по поводу потребительства и связанные с этим гуманистические сентенции были чужды. Он не делил потребности на естественные и искусственные, потребности вообще не существуют по отдельности, изолированно, следует говорить о «системе потребностей», которая в целом и составляет «продукт системы производства»¹⁷. Любая потребность может быть удовлетворена взаимозаменяемыми предметами, так что в результате естественные потребности не имеют отличий от искусственных, все потребности в совокупности жестко определены системой производства.

Кроме того, если Гэлбрейт исходил из своего рода антропологической точки зрения, отталкиваясь от естественных потребностей и естественного индивида, то Бодрийяр вносит в свой анализ потребления социальную точку зрения. Гэлбрейт видел в потребителях пассивных жертв производственной системы, Бодрийяр проводит мысль о том, что потребители организованы в определенные группы и ведут себя активно, конструируя свойственный той или иной группе стиль потребления, они олицетворяют в результате «социальную логику дифференциации». С этой точки зрения товары представляют собой огромный спектр различительного материала, с помощью которого группы устанавливают между собой различия. При этом индивиды находятся в постоянной динамике, движутся по лестнице социальной иерархии, то приближаясь к потребительской модели определенной группы, то отдаляясь от нее.

Потребление, если его рассматривать сквозь призму группового соперничества, обнаруживает безграничный характер. Гэлбрейт думал, что потребление можно ограничить рамками разумного, Бодрийяр же уверен, что сделать это невозможно. Во-первых, потому что человек всегда стремится к излишеству в потреблении, это дает ощущение счастья; во-вторых, став «знаками отличия» вещи оказываются подвержены неограниченному накоплению. На уровне распределения блага и предметы, пишет Бодрийяр, «составляют глобальную, связную систему знаков, систему культурную, которая заменила случайный мир потребностей и наслаждений, заменила естественный мир и биологический мир социальной системой ценностей и рангов»¹⁸. Он не отрицает, что существуют потребности и полезное их удовлетворение, но считает особенностью нашего времени «реорганизацию первичного уровня потребностей в систему знаков»¹⁹, что демонстрирует переход от природы к современной культуре.

Здесь мы подошли к одной из ключевых идей Бодрийяра, к пониманию человека как знака и человеческих отношений как системе знаков, где раскрываются уже некоторые характеристики массы общества потребления. Во-первых, здесь меняется характер интеграции индивидов в общество. В отличие от массы эпохи производства, которая своим положением находится в оппозиции к существующему обществу, человек-потребитель

¹⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 103.

¹⁸ Там же. С. 109.

¹⁹ Там же.

легко интегрируется в общество, и для этого не нужны репрессии: «потребитель интериоризирует социальную инстанцию и ее нормы в самом жесте потребления»²⁰. В «Обществе потребления» им сделан еще более сильный акцент на интегрирующей функции потребления: «Потребление может заменить собой все идеологии и полностью взять на себя контроль за интеграцией любого общества, как это делали иерархические или религиозные ритуалы в первобытных обществах»²¹.

Наряду с моментом интеграции в сфере потребления осуществляется, во-вторых, личностная и групповая дифференциация. И интеграция, и дифференциация дают в таком случае плоскостную картину общества, утратившего свою многослойность. Место социальных и политических революций занимают «революции моды», они безвредны и препятствуют развитию других революций. Процесс обретения различий в потреблении взамен классов и каст означает смягчение социальных противоречий, своего рода их решение на потребительском уровне. Об этом свидетельствует, например, личностная дифференциация в потреблении, которую Бодрийяр обозначает как «персонализацию», добавляя, что прославляемая рекламой персонализация идет на смену независимости личности, которая всегда опасна в обществе, тогда как диктуемая модой персонализация безобидна и не порождает социальных конфликтов. Условием упомянутой дифференциации является деление выпускаемых товаров на «модели», предназначенные для элитного потребления, и «серии» (товары массового потребления). Характерно то, что между теми и другими товарами происходит постоянный обмен, серии подтягиваются до уровня моделей, а модели постоянно тиражируются в серии. Такая циркуляция вещей придает обществу потребления видимость демократического устройства, хотя на деле оно пронизано отношениями неравенства. Если уж говорить о равенстве, то оно в обществах потребления имеет чисто формальный характер. Одной из форм его является политическое равенство (равное избирательное право), другой – стремление всех к обладанию престижными вещами. Как говорил Бодрийяр, это равенство перед предметами, перед «телевизором, автомобилем, стереосистемой». Жизнь людей в обществе потребления похожа на гонки, цель которых престижные вещи. Гонки по-видимости вдохновляются равенством, а на деле имеют своей сутью неравенство, именно неравенство стимулирует рост производства, являются его основой и целью. Неравенство неизбежно, хотя государства прилагают усилия к справедливому перераспределению благ и услуг, они не достигают цели. Это и не дает остановиться производству, ибо уничтожение неравенства равноценно остановке роста: «Именно показатель *неравновесия* тонко структурирует и придает настоящий смысл росту»²².

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что применительно к обществу потребления Бодрийяр последовательно развивает точку зрения знаковости всех его явлений. Потребление, пишет он, должно рассматриваться «1) не как функциональная практика с предметами, не как обладание и т. д., 2) не как простая функция индивидуального престижа или престижа группы, 3) а как система коммуникации и обмена, как кодекс непрерывно выпускаемых, получаемых и вновь изобретаемых знаков, как язык»²³. В этом мире знаков индивид не является автономным и свободным субъектом, в этом мире нет других в сартровском смысле, индивид предстает как точка на пересечении многих

²⁰ Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 190.

²¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 126–127.

²² Там же. С. 77.

²³ Там же. С. 125.

отношений, он не соприкасается с трансцендентным, его существование имманентно и реляционно. В пространстве имманентных отношений рассыпаются социальные противоречия, смертельные враги могут разговаривать друг с другом, идеологические противники ведут диалог. Это не значит, что стало больше терпимости, а значит только то, что идеологии и мнения, будучи просто материалом обмена и потребления, уравниваются в игре знаков. Существует общая относительность функций-знаков, существ-знаков, отношений-знаков, идей-знаков. Образы и события, поставляемые СМИ, представляют собой лишь знак реальности «Мы потребляем реальное либо путем предвосхищения, либо ретроспективно, во всяком случае, на дистанции, каковая является дистанцией знака»²⁴. Повсюду господствует «отказ от действительности на основе жадного и умножающегося изучения ее знаков»²⁵.

Но иногда Бодрийяр отходит от основной линии своих доказательств, что заметно в его рассуждениях об отчуждении или еще о равенстве. Он не видит в обществе потребления свободного и сознательного субъекта, деятельность которого могла бы быть подвержена отчуждению. Он привязывает возможность отчуждения к эпохе индустриального общества, но поскольку потребительское общество тоже индустриальное, то почва для отчуждения как будто должна сохраняться. С другой стороны, переход к обществу потребления и человеку-знаку снимает возможность отчуждения. В отчуждении, как пишет Бодрийяр, все вращается вокруг «иного самости», а потребление не является «прометеевским», оно гедонистично и регрессивно: «Его процесс не является более процессом труда и преодоления, он состоит в поглощении знаков и поглощении знаками»²⁶. Он характеризуется, следовательно, как об этом говорит Маркузе, концом трансцендентного. Потребитель не отчуждается, он переходит от одного конца в цепи товаров к другому, от одного знака к другому, так что «игра потребления заменяет собой поистине трагедию тождества»²⁷. Однако как критик современности Бодрийяр черпает вдохновение в традиционных для левых обвинениях в ее адрес, обвинениях, основанных на вере в трансцендентный идеал будущего. Он видит порочность потребительского общества в господстве индивидуализма и эгоизма, в отсутствии человеческой солидарности и взаимности, в системе жесткой конкуренции, в социальной дистанции, растущей вместе со скученностью и индустриальной концентрацией.

Или можно взять другой пример двойственности Бодрийяра в трактовке общества потребления, пример, связанный с принципом равенства. Выше говорилось, что он признавал существование в этом обществе только формального равенства. Но, доказывая это, он невольно встает на позиции приверженца подлинного равенства, говорит о системе «реального равенства, равенства способностей, ответственности, социальных возможностей, счастья (в самом широком смысле слова)»²⁸. Апологетика гуманизма, подлинности, счастья идет вразрез со скептицизмом Бодрийяра в отношении позитива общества потребления. Поиск подлинности предполагает временную неподлинность, то самое отчуждение, возможность которого в данном обществе он колебался признать.

Как и Маркузе, Бодрийяр не усматривает каких-либо крупных оппозиционных сил в обществах потребления. Но все же он отмечает, что если нет в них солидарной оппозиции с позитивной программой, то нередки акты про-

²⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 14.

²⁵ Там же. С. 16.

²⁶ Там же. С. 240.

²⁷ Там же. С. 241.

²⁸ Там же. С. 74.

теста как насильственные, так и ненасильственные. В их основе лежит отказ от активизма общества потребления, от «ускорения темпов благосостояния как новой репрессивной системы»²⁹. Новые формы насилия часто имеют характер немотивированный или странно мотивированный, с которыми неясно, как бороться. Вплоть до того, что оправданными кажутся сожаления о том времени, «когда насилие имело смысл, было полно чувства патриотизма, рациональное в своей основе, санкционированное целью или причиной, находящееся под влиянием идеологии. Все хотели бы свести новое насилие к старым моделям и лечить его известными средствами»³⁰. Но современные формы социального насилия неистребимы, они вызваны пустотой жизни и человеческих отношений в обществах с огромной мобилизацией производственных и общественных сил. Бодрийяр сомневается в прочности современных цивилизованных обществ, считая, что они могут быть разрушены внезапно силами, могущими прийти как извне, так и изнутри, как в мае 1968 года.

Тексты Бодрийяра об обществе потребления рисуют массу как совокупность индивидов-знаков, активно продвигающихся в человеческой вселенной. В «Прозрачности зла» он делает акцент на других чертах современной массы. Общая направленность его мировосприятия не изменилась, например, сохранился негативизм в отношении человека как субъекта истории, идея человека-знака приобрела глобальный характер в образе общества-спектакля. Но все же точкой отталкивания теперь стала идея постистории, а это многое меняет.

Бодрийяр утверждает, что для Запада время революционных потрясений прошло, все мыслимые формы освобождения осуществились, позади остались политические и сексуальные революции, освобождение женщин и защита прав детей. Все освобождено, но общество продолжает двигаться по инерции в том же направлении, как бы разыгрывая «спектакль по ранее написанному в действительности или в воображении сценарию»³¹. Идея спектакля в применении к общественной жизни в западных странах не нова, Бодрийяр с ее помощью стремится выразить впечатление от общественного процесса, который лишен живых чувств, своего смысла и предназначения. Так, политика лишилась идеи, но «политические деятели продолжают свои игры, оставаясь втайне совершенно равнодушными к собственным ставкам»³². Линейный прогресс ушел из общественной жизни, вместо него появилось движение по кругу, все выходит за свои пределы, происходит смешение идей, жанров, сфер общественной жизни. А. Турен тогда же доказывал, что идет процесс слияния политики с экономикой, политики и социальной сферы. Исторический результат всех прошедших революций тот, что за ними следуют «неопределенность, тревога и путаница»³³.

Соответственно такой характеристике современности Бодрийяр рисует облик масс: они не имеют определенных социально-политических программ и четких интересов, их поведение не могут прогнозировать эксперты, они плохо поддаются усилиям манипуляторов. Социальные опросы свидетельствуют о непредсказуемости реакций масс и их могуществе, т. к. они легко могут подчинить себе «общественность, харизмы, престиж, размер изображений»³⁴. Кроме того, они легко отторгают любой политический по-

²⁹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 228.

³⁰ Там же. С. 226.

³¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 8.

³² Там же. С. 12.

³³ Там же. С. 39.

³⁴ Там же. С. 61.

рядок, изгоняют любой проект, превосходящий их понимание, они недоверчивы как «животные» или «крестьяне», которые уж точно не принесут себя в жертву «светлому будущему». Речь больше не идет ни о «народных представителях», ни об «общественном договоре», происходит «трансполитическая дуэль между стремящимися к тоталитарному самоуправлению инстанциями и ироничной, строптивой, агностической, инфантильной массой, которая больше не разговаривает, а ведет переговоры»³⁵.

Ключом к разгадке такого представления о массах является понимание «другого» у Бодрийяра. Он отмежевывается от традиционной для западной культуры трактовки другого как явления, внутренне связанного с исходным пунктом отношения. Только для нее характерен диалектический подход к взаимосвязи одного и иного, стремление объять одновременно «универсальное» и «различное». Для современности он считает типичным понимание «другого» как абсолютно чуждого своей противоположности, не имеющего с ней точек соприкосновения.

В этом Запад, как можно понять, своеобразно приближается к другим цивилизациям, т. к. и последние не имеют склонности к диалектике «одного» и «другого». «Они живы своим своеобразием, своей исключительностью, непреодолимостью своих ритуалов и ценностей. Они не тешат себя убийственной иллюзией – связать все воедино, иллюзией, которая вполне могла бы их погубить»³⁶. В отношении к Западу другие цивилизации предстают чем-то совершенно чуждым, непостижимым и непреодолимым: «Это присутствие становится у нас на пути как грубый, непреодолимый, сверхощутимый, сверхъестественный факт, являющийся, подобно фатальной конфигурации, результатом невозможности диалектической мысли о различии. Нечто похожее на силу всемирного отталкивания, противоположной канонической силе всемирного тяготения»³⁷. У Бодрийяра крайне пессимистический взгляд на возможность сближения различных культур: «Ни Марокко, ни Япония, ни ислам *никогда* не станут западными. Европа никогда не заполнит пропасть современности, отделяющую ее от Америки. Космополитический эволюционизм – иллюзия, и, как и подобает иллюзии, она лопается повсюду»³⁸. Существование другой культуры вблизи от своей может нести угрозу существованию последней. Такими безнадежными оказываются у Бодрийяра перспективы мультикультурализма.

Однако не все выглядит у него так однозначно мрачно. Его представление о «другом» имеет и позитивный смысл – «другой» может стать источником нашей энергии. Говоря об этом, Бодрийяр переходит с уровня отношений между цивилизациями на уровень межчеловеческих отношений. Он констатирует, что на Западе благодаря христианству существует убеждение, что каждый несет ответственность за свою жизнь. Но это утопия, никто не в состоянии нести такую ответственность. Более адекватный подход состоял бы в том, чтобы возложить ответственность за свою жизнь на других. Это не просто правильное, но имеет и важное последствие: «делая другого своей судьбой, вы извлекаете из этого самую утонченную энергию»³⁹. Поэтому всякое освободительное движение, направленное на завоевание автономии и свободы, является формой регрессивной. И наоборот: «Что бы ни представляло собой приходящее к нам извне, будь это даже худшая эксплуатация,

³⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 116.

³⁶ Там же. С. 195.

³⁷ Там же. С. 206.

³⁸ Там же. С. 242.

³⁹ Там же. С. 248.

сам факт, что оно приходит извне, является позитивным фактором»⁴⁰. Таким образом, оказывается, что мы живем не за счет нашей собственной энергии или нашей собственной воли, а благодаря энергии, которую мы ловко крадем у мира, у тех, кого мы любим и ненавидим. Другие тоже существуют благодаря такому непосредственному и ловкому присвоению.

В конце «Прозрачности зла» Бодрийяр еще раз ставит вопрос о массах. Теперь он утверждает, что массы в отношении существующего политического порядка исполняют роль «другого», абсолютно ему чуждого. Массы – это «некая странная, враждебная, непонятная, почти биологическая разновидность»⁴¹. Они выросли в мире политики и якобы подчиняются ее порядку, создавая видимость того, что они неуверенны в себе, не обладают субъективностью и словом. И между тем они «несут в себе спонтанный яд, разрушительный для любого порядка»⁴², олицетворяют другого в его абсолютном проявлении. На последних страницах книги Бодрийяр четко разъясняет, что другой – это, собственно, не субъект, а объект. Другой, взят ли он на уровне межчеловеческих отношений, или на уровне масс, на уровне взаимоотношений культур – это объект. Начав в трактовке людей человеческих отношений как знаков, он пришел к трактовке человека и массы как объекта, объектность у него окончательно перекрывает субъектность: «В конечном итоге образы всего того, что нам чуждо, воплощаются в единственном образе – в образе объекта»⁴³.

Так неожиданно завершился цикл превращений массы и толкований ее сути в условиях современности. В начале цикла масса представляла как производящая сила, которая имела творческий импульс и была наделена Марксом и марксистами исторической миссией создания альтернативного общества. В позднем индустриальном обществе производящая масса вытесняется массой потребляющей, не имеющей альтернативной идеи. Одним из аналитиков ее был Ж.Бодрийяр. Несмотря на спорность его формулировок, он уловил, как нам кажется, важные особенности потребляющей массы, когда говорил о потребителях как индивидах-знаках, погруженных в мир знаковых отношений, отделяющих индивидов от действительности. Последнее превращение массы, отмеченное им, относится к формированию массы-объекта. Это может быть увязано с определенными реалиями, в частности, с миграцией в развитые страны, если видеть в мигрантах людей другой культуры, абсолютно чуждых европейской цивилизации. Но и массу в самих развитых странах Бодрийяр рисует как чуждую силу в отношении правящих инстанций, способную на самые неожиданные реакции. У себя в стране мы хорошо знакомы с таким поведением масс.

⁴⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. С. 247.

⁴¹ Там же. С. 249.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 254.